

Александр Куприн

Пунцовая кровь

Александр Иванович Куприн

Пунцовая кровь

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2474725

Париж интимный: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-17615-2

Аннотация

«В Сен-Совере, в этом благоуханном, зеленом, быстроводном уголке горных Пиренеев, я однажды утром прочитал на базаре большую афишу о том, что:

„В воскресенье 6-го сентября 1925 г. на байонской арене состоится *строго подлинная* коррида при участии трех знаменитых матадоров: дона Антонио Ганеро, Луиса Фрега и Никанора Вияльта, которые, в сопровождении своих полных кадрилий пикадоров, бандерильеров и пунтильеров, сразятся каждый с двумя быками и пронзят шпагами в общем шесть великолепных быков славной ганадерии Феликса Морена-Арданьи из Севильи“...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Александр Иванович Куприн

Пунцовая кровь

В Сен-Совере, в этом благоуханном, зеленом, быстроводном уголке горных Пиренеев, я однажды утром прочитал на базаре большую афишу о том, что:

«В воскресенье 6-го сентября 1925 г. на байонской арене состоится *строго подлинная* коррида при участии трех знаменитых матадоров: дона Антонио Ганеро, Луиса Фрега и Никанора Вияльта, которые, в сопровождении своих полных кадрили пикадоров, бандерильеров и пунтильеров, сразятся каждый с двумя быками и пронзят шпагами в общем шесть великолепных быков славной ганадерии Феликса Морена-Арданьи из Севильи».

А внизу мелким шрифтом – шесть параграфов договора с публикой:

«§ 1. Коррида начнется ровно в 4 ч. 30 минут пополудни.

§ 2. В случае дождя коррида переносится на другой день. Печатных оповещений об этом администрация не делает.

§ 3. Деньги за взятые билеты не возвращаются никогда и никому.

§ 4. Выпускать лишних быков или заменять одного

быка другим администрация отказывается.

§ 5. Ни за какие несчастные случаи администрация не отвечает.

§ 6. Покорнейше просят почтенную публику не баловаться (*pas jouer*) палками и бутылками».

Параграф пятый (о несчастных случаях) мне был понятен. У меня еще живо держалась в памяти прошлогодняя газетная заметка о роковом событии на одной из мадридских коррид. Очень известный эспада¹, нанося решительный удар быку (эстокада), ткнул неудачно острием в кость позвонка. Шпага сломалась пополам. Свободный ее конец с визгом перелетел через барьер, попал в сердце молодого зрителя из второго ряда и убил его на месте. Какая сила и быстрота удара!

Страшна и таинственна была смерть этого юноши. Он точно сам выбрал свой жребий, уступив свое первоначальное, лучшее место незнакомой даме, которая его об этом и не просила. Смысл последнего параграфа я постиг дня два спустя, когда воочию убедился, до какого стихийного напряжения могут достигать страсти десятитысячной толпы. Тогда же поверил я от всего сердца тем занимательным историям, которые мне вечером, накануне корриды, рассказывал, за чашкою чая с флёрдоранжем, хозяин гостиницы «Святого духа» в Байоне, почтенный господин Пинья, крепкий южанин с серебряной головой и с юношеским огнем в черных

¹ Шпага – название матадора. (Прим. автора.)

глазах, глубоко сидящих по сторонам *величественного* красного носа. Стил ь его разгово ра я не могу передать, – для этого самому нужно быть французом, да еще южанином, – но смысл точен.

Байонская арена окончилась постройкой в тысяча восемьсот пятьдесят втором году. Несомненно, это был царственный, широкий, хотя и противозаконный дар пылкой испанке, Евгении Монтихо, от ее августейшего супруга. Начиная с тысяча восемьсот пятьдесят третьего года императорская чета присутствовала неизменно на всех особенно громких корридах, где блистали высоким искусством матадоры: Кюшарес, Эль-Тато, Санз, Мора и другие знаменитые эспада. Многие из наших стариков до сих пор еще помнят императрицу Евгению, которая, легко облокотясь на краснобархатный барьер ложи и обмахиваясь быстрыми движениями веера, глядела с очаровательной улыбкой на кровь, на смерть, на отвагу и на красоту корриды. Говорили, что она была прекрасна.

Вся блестящая знать Второй империи сопровождала своих монархов на байонскую арену. В переполненном амфитеатре можно было узнать таких изысканных литераторов, как Теофиль Готье, де Карменен, Поль де Сен-Виктор, Амеде Ашар и Проспер Мериме. Ведь это Теофиль Готье определил однажды бой быков как «самое великолепное зрелище в мире, которое только он видел!».

– Подождите, мой друг, – сказал господин Пинья, – я сей-

час покажу вам очень редкую вещь, программу пятьдесят четвертого года, одну из тех программ, что печатались специально для императорской ложи.

Он пошел, достал откуда-то из-под прилавка небольшую перламутровую шкатулку, принес ее, раскрыл и вынул изящную афишку, напечатанную чудесным старинным шрифтом на розовом муаре и счетверенную вырезным кружевом, с наполеоновским черным одноглавым орлом наверху.

Я с умилением рассматривал этот прелестный лоскуток, которому было семьдесят пять лет, а хозяин продолжал говорить. Странно: у байонского трактирщика были утонченные, аристократические взгляды на благородное искусство тавромахии.

— Этому великому искусству больше тысячи лет. Не из-за денег, а ради рыцарской славы и улыбки прекрасной дамы ему служили знатнейшие гранды Испании, и первым между ними был герой народной легенды Сид Кампеадор. Верхом на боевом коне он сражался один на один с диким быком и закалывал его насмерть своим тяжелым копьем.

Потом эта рыцарская игра стала платным зрелищем для толпы. Грандов заменили специалисты-матадоры, выходящие против быка пешими, со шпагою в девяносто сантиметров длиною. Страшный удар копыя с высоты седла отошел в область преданий, да у современных людей уже и не хватило бы силы и ловкости его нанести. Лошадь теперь участвует в корриде лишь в силу многолетней традиции и для удовле-

творения жажды крови.

Но у матадоров было свое классическое время. Посмотрите внимательно на эту старую афишу. На ней указано имя каждого из быков, и их имена стоят впереди имен матадоров и членов их кадрилий. Это была джентльменская вежливость к опасному и почетному противнику, потому что последний короткий бой между быком и эспадой ведется честно и открыто, и ни один, даже самый прославленный торреро никогда не бывает уверен в том, что сегодня его не понесут с песка арены ногами вперед.

В те времена, еще совсем недалекие от нас, требовалось, чтобы эспада убил своего быка лицом к лицу, прямо, бесстрашно, правильно и красиво. Но постепенно низкий уровень толпы, ее грубые кровожадные вкусы, а в особенности холодное любопытство англичан, принудили лучших матадоров прибегать к рискованным фокусам, к жуткому заигрыванию со смертью. Я не хочу сказать, что это ежеминутное скольжение на волосок от гибели не включает в себе безумной отваги, но я думаю, что прекрасное искусство тавромахии существует для насыщения стойких и твердых душ, а не для щекотания притупленных и избалованных нервов. Храбрость должна быть горда и добра, а не услужлива.

Так думаем мы, старые и верные посетители корриды. Вот завтра вы увидите Никанора Вияльта. Он – Вияльта – один из редких ныне представителей классического метода. Мы, спокойные знатоки, его высоко ценим, но он не для большой

публики. В прошлом году, на одной из блестящих мадридских коррид, он убил подряд двух своих быков с такой простотой, с таким изяществом и с такой математической точностью, каких давно не видали понимающие люди. Вы, конечно, знаете, в чем заключается высшая награда матадору? По решению судей, у убитого быка отрезают правое ухо и торжественно подносят его особенно отличившемуся победителю. Так вот, все знатоки и настоящие любители корриды требовали, чтобы этот лестный подарок был присужден Никанору Вияльта. Но в составе судей преобладали, вероятно, поклонники стиля модерн. Они не поняли всего того совершенства, с которым работал Вияльта, и отказали. Тогда представители прессы, сложившись, поднесли через несколько дней образцовому эспада бычачье ухо, сделанное из чистого золота. Вот это – славный почет!..

– Конечно, – продолжал Пинья, протягивая мне портсигар с тонкими сигаретками, – конечно, это злоупотребление эффектными трюками – явление временное, и мода на них может так же легко уйти, как и пришла. Классическая коррида со своим почти религиозным, строгим порядком не исчезнет до тех пор, пока существует Испания. Ведь недаром же испанский национальный флаг состоит из двух цветов – желтого и красного: это – неизменный песок арены и проливаемая на нем тысячу лет кровь.

Впрочем, и Байона крепко держится за традиции арены. Лет шесть, а может быть, и восемь тому назад фран-

цузское гуманное правительство решило совсем искоренить бои, включающие *mise a mort* (смертный исход) для быков и лошадей. Там, на севере, эта игрушечная коррида, где бык считается пораженным, если ему успели наклеить кокарду между рогов, привилась без ропота, но и без особого интереса среди анемичных французов. Здесь же, на юге, живет слишком много испанцев, итальянцев и басков, в жилах которых быстро бежит очень красная горячая кровь. Слухи о введении вегетарианской корриды, правда, у нас носились задолго, но все от них только презрительно отмахивались, как от явного вздора. Но однажды, в августе, афиши вышли с объявлением, что коррида состоится без смертельного конца. Однако никто этому не поверил, и арена была, как всегда, переполнена сверху донизу. Но когда публика убедилась в отсутствии лошадей и когда украшенного кокардой быка стали загонять обратно за кулисы, – толпа пришла в негодование и устроила скандал, неслыханный и невиданный за все семидесятилетнее существование байонской арены.

– Забава с палками и бутылками? – спросил я лукаво.

– О, гораздо серьезнее! Толпа так ревела, что слышно ее было на вокзале, за четыре километра. Растерянная администрация вызвала полицию. Это окончательно взбесило ослепленных яростью южан. Мгновенно все, что находилось в здании арены деревянного, – скамейки, спинки, перегородки, барьеры, стулья, столбы, перила, перекладины – все было вырвано и переломано на куски. Сложили огромный костер

на середине арены, облили его керосином и зажгли. Я теперь не помню, какими мерами удалось прекратить народное возмущение, которое уже начало разливаться по улицам. Целую ночь напролет бодрствовали военные наряды и пожарная команда. Страшный был день.

– Воображаю! – согласился я.

А господин Пинья прибавил:

– Но зато теперь наша арена – сплошь из камня и железа. Ее не сожжешь.

Я уговорился с моими русскими друзьями, ночевавшими в Биаррице, встретиться в моей гостинице заблаговременно, часов около двух с половиной, а если возможно, то и пораньше, чтобы успеть до начала и видеть съезд. Но напрасно я их ждал на террасе до трех, и до трех с половиной, и до четырех без четверти. Мимо меня от вокзала проехал верхом на огромной гнедой кляче, в необыкновенно высоком деревянном седле с двух торчащих луках, пикадор. На нем была черная лакированная тяжелая шляпа с широкими полями, укрепленная под подбородком ремнем; курточка, сплошь унизанная, как кольчуга, красными камушками из поддельного граната, и толстой кожи желтые сапоги, от ступни до бедер. Мне очень понравилось его румяное и черноебровое, серьезное, несмотря на молодость, лицо с узкими дорожками бакенбардов, идущих от висков. Тут я почувствовал, что мне пора идти, и притом не лентясь. Милый господин Пинья проводил меня крепким рукопожатием и пожелани-

ем доброй корриды. Сам он ждал своих знакомых, которые должны были заехать за ним в коляске.

Мне ни у кого не надо было спрашивать дорогу к арене. Вся Байона шла туда по широким улицам, по прекрасным мостам через Адур и Гав-де-По. Нетерпение охватило меня, и я часто перегонял пешеходов. Помню просторную, зеленую от травы площадь, по которой многочисленными радиусами стекались люди все к одному пункту – к станции электрического трамвая. После станции шел поворот в узкую улицу, где стало очень тесно, потому что в нее вливается также дорога, соединяющая роскошный Биарриц, этот вечный приют скучающих миллиардеров, со скромной Байоной. Бесчисленное количество сверкающих «роль-ройсов», шикарных лимузинов и других гордых «собственных» автомобилей протискивалось сквозь толпу, уплотняя ее и прижимая к стенам и заборам. Так, в пыли, в душной человеческой гуще, оглушаемый рывканьем моторов, я добрался наконец до голого загородного выгона, на котором увидел арену.

Это гигантское круглое здание без крыши занимает столь огромное место на земле, что, несмотря на высоту его стен, оно кажется приземистым. Окраска его невыразительно красная, с тем ржавым, желтоватым оттенком, какой принимает высыхающая кровь. Вынесенное за город, окруженное низкой пыльной притоптанной травой с одной стороны и колючими ожинками кукурузы с другой, оно производит будничное, одинокое, унылое и скупое впечатление,

точно городская бойня, резервуар газового завода или главная нефтяная цистерна. Над ее стеною по всей окружности тихо шевелятся на высоких шестах красно-желтые испанские флаги. Вместо окон – ряд круглых больших отверстий, сквозь которые видны ступени серых каменных лестниц. Внутри арены ведут восемь зияющих темнотою арок, обозначенных литерами; в них беспрерывно льются черные человеческие потоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.